

Фото: семейный архив Ирены Эверт

«МЫ, ВИДИМО, ПОПАЛИ В ВОДОВОРОТ...»

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ГЛАВКОМА АЛЕКСЕЯ ЭВЕРТА ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

В

В феврале 2017 года «Родина» опубликовала статью о трагической судьбе главнокомандующего Западным фронтом генерала Алексея Ермолаевича Эверта' («Мы предатели своего государя!»).

А вскоре автору публикации написала Ирена Эверт из Санкт-Петербурга, праправнучка генерала по линии его старшего сына Игнатия, расстрелянного в 1938 году. Завязалась переписка, из которой выяснилось, что в семье сохранился последний дневник генерала Эверта, который он вел в самые тяжелые жизненные периоды, весной и осенью 1918 года, даже в тюрьме и о котором, как о документе неизвестной судьбы, упоминалось в статье.

Простая тетрадь с надписью на обложке: «Думы и переживания. В случае моей смерти прошу вручить жене моей Надежде Игнатьевне Эверт», далее адрес и размытая дата — 15 февраля 1918 года. Под обложкой — едва читаемый почерк (который помогли расшифровать Т.А. Белов и к.и.н. Ф.А. Гуцин) и десятки страниц искренних и мучительных размышлений усталого человека, чей жизненный финал неумолимо приближался.

Публикация доктора исторических наук Андрея Ганина и Ирены Эверт

ФОТО: М. ГРИГОРЬЕВА

**«Я... потерял все, что приобрел честной 40-летней службой»
20 февраля (5 марта) 1918 года²**

Я только всецело, всеми своими помыслами, всем своим временем отдавался службе, которую любил и считал самой почетной, самой необходимой для Родины, для ее могущества... Бесспорно, самолюбие мое было удовлетворено. Человеку без протекции, без знакомств и связей, только личным трудом дожить до должности главнокомандующего фронтом во время Великой войны, получить звание генерала-адъютанта, все высокие ордена российские и союзных

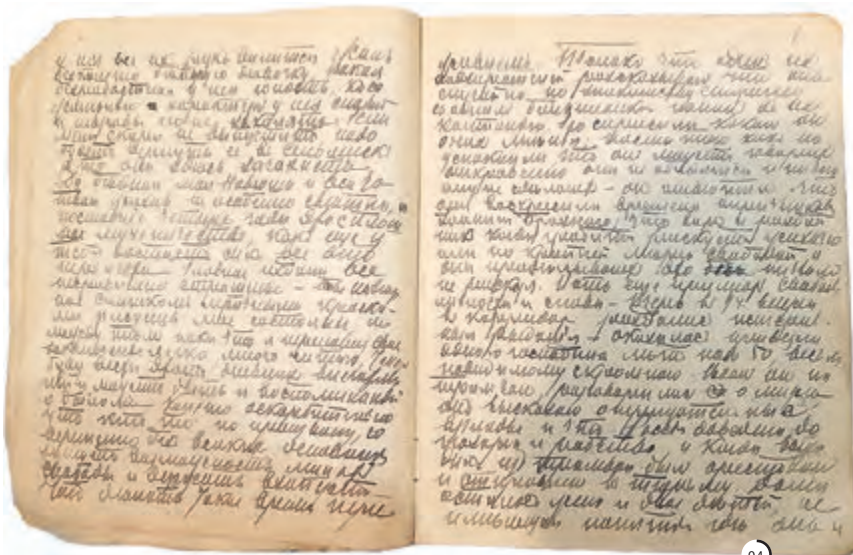
03

держав, в том числе Георгия 3[-й] и 4[-й] степени за действительно славные бои может удасться только как исключению. Обстановка материальная для меня и семьи стала вполне хорошей и в последние годы, хотя я и не имел средств, но мог жить не рассчитывая каждую копейку, чтобы свести концы с концами, как это делал всю жизнь. Но духовных ценностей не создалося — я служил, но проглядел жизнь с ее радостями. И вот, когда я достиг высшей степени материального благополучия, Господь воочию мне показал, что все это тлен и суета.

В течение года я лишился и высокого положения, и власти, потерял все, что приобрел честной 40-летней службой и остался буквально ни с чем, даже без возможности работать, так как, отдаваясь всецело своему военному делу, не при-

обрел подготовки ни для какой работы. Нет и прочных привязанностей, о которых за службой не думал...

Самый близкий, самый родной для моей души — это ты Надя³, но, прожив с тобой 33 года, дал ли я тебе счастье? Перебирая мысленно всю нашу жизнь, прихожу к убеждению, что нет. Я запер тебя в клетку, не заботясь о том, что если мне с моим замкнутым, угрюмым характером при заполнении времени службой в этой клетке хорошо, то тебя в твои 18 лет, с твоим живым характером, с развитыми духовными запросами эта клетка удовлетворять не может... Думал я, что под старость у нас явится возможность

04

ЕСЛИ БЫ МНЕ ПРЕДЛОЖИЛИ ТЕПЕРЬ ПОМЕНИТЬСЯ С ЛЕНИНЫМ, ТРОЦКИМ ИЛИ КЕМ-ЛИБО ИЗ ПРАВИТЕЛЕЙ, Я, НЕ КОЛЕБЛЯСЬ, ПРЕДПОЧЕЛ БЫ ОСТАТЬСЯ В СВОЕЙ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ

вести скромную, но покойную жизнь, но и эти надежды пропали ныне... Теперь когда я здесь один, в тюремной камере, я всем своим сердцем чувствую, как ты, дорогой мой друг, страдаешь за меня, как сердце твое разрывается на части, как ты места себе не находишь от тоски и терпий унижения, хлопоча о моем освобождении или о личных, но кратковременных свиданиях со мной, а затем бежишь к дверям тюрьмы, чтобы принести мне пищу...

**«В себе я не смущаюсь, я уже давно готов ко всему»
22 февраля (7 марта)**

Сегодня исполнилась неделя как я здесь. Бог знает сколько недель еще проведу я здесь. Ду-

⁰¹ Ирена Эверт.

^{02, 3} Генерал Алексей Эверт на смотре Забайкальской казачьей дивизии 18 мая 1916 года и на боевых позициях Гренадерского корпуса.

⁰⁴ Фрагмент дневника.

маю, что немало. Такого туза, как бывший главнокомандующий ген[ерал] Эверт, скоро не выпустят. Они и без рассмотрения дела отлично знают, что оснований к моему задержанию не имеется, но как же, во-первых: не покуражиться, а, во-вторых: никто из них не посмет дать распоряжение об освобождении из опасения обвинения в потворстве так называемым

05

ОНИ И БЕЗ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ОТЛИЧНО ЗНАЮТ, ЧТО ОСНОВАНИЙ К МОЕМУ ЗАДЕРЖАНИЮ НЕ ИМЕЕТСЯ, НО КАК ЖЕ, ВО-ПЕРВЫХ, НЕ ПОКУРАЖИТЬСЯ...

° 5

Генерал Эверт в кругу семьи. Слева направо стоят: сыновья Владимир, Игнатий, супруга Надежда Игнатьевна, дочери София и Вера. Сидят – Алексей Ермолаевич и сын Борис. 1915 год.

° 6

Генерал на Первой мировой. На следующий день после ее завершения он был убит...

буржуйам или контрреволюционерам; какая опошлившаяся кличка. В себе я не смущаюсь, я уже давно готов ко всему, давно сказал себе — Да будет воля Твоя.

...целый час ходил быстро по длинному коридору, испытывая истинное физическое наслаждение от движения... ем и суп, и кашу, и капусту вместо каши и нахожу, что есть можно, да и что возможно сделать на 32 коп. на человека при настоящей дороговизне, достаточно уже того, что дают вполне удовлетворительного хлеба, а сегодня даже хорошего и в количестве вполне достаточном на день...

«Теперь самое спокойное место в тюрьме»

24 февраля (9 марта)

...Мы, видимо, попали в водоворот: на днях совет [народных] комиссаров перебирается

в Москву, сюда переносится столица и, конечно, возникает столько вопросов и дел, начиная с ратификации мирного договора, что теперь будет не до нас. Газеты нерадостно читать: все больше и больше раскрываются тяжелые перспективы мирного договора и тяжелого внутреннего состояния страны. В Петрограде расстрелы за расстрелами, в Севастополе в одну ночь расстреляли 250 человек, в других городах не лучше... Пожалуй, на самом деле теперь самое спокойное место в тюрьме, тем более, что здешнее все начальство хотя и не делает никаких поправок, но держит себя человечно...

«Интеллигенция пожинает то, что посеяла»

26 февраля (11 марта)

...Мне глубоко отраднo сознание, что я решительно никакой злобы не питаю к тем, которые меня арестовали и отправили в тюрьму. Да и за что бы я на них питал злобу — они лишь слепые исполнители велений создавшейся обстановки, а последняя — результат исторического хода жизни России. Чтобы быть справедливым, надо спокойно уяснить себе смысл всего происходящего. По тем же основаниям исторического хода, при каковых гибли и разрушались прежние великие государства, гибнет и русская империя. Разве может существовать и развиваться государство, в котором подорвана вера, нет любви и преданности к Родине, нет прочной семьи, где слабо развито чувство долга, добросовестность в работе, самоуважение, уважение чужой собственности. А ведь все это недостатки, свойственные русскому и пышно разросшиеся за последние 50 лет. На самом деле: прежде в народе была слепая вера, веровали, по словам Спасителя, как дети. За последние 50 лет вера эта старательно подрывалась, с одной стороны, нашей беспочвенной интеллигенцией и недоучками, нищенски обставленными и потому озлобленными учителями народных школ, а, с другой, полным индифферентизмом и пассивностью нашего духовенства, а часто и дурной их жизнью...

Если бы мне предложили теперь поменяться с Лениным, Троцким или кем-либо из правителей, я, не колеблясь, предпочел бы остаться в своей тюремной камере. Они не делают теперь истории, их несет историческая волна, интеллигенция пожинает то, что посеяла...

«Объявили, что я свободен...»

12 (25) марта

...После просмотра бумаг Аросьев⁴ заявил мне, что меня обвиняют в том, что после разгрома Дона я в числе других замыслил во всех главных городах сформировать кадры для подъема одновременного восстания против Советской власти и что с этой целью я прибыл в Москву. На это я ответил, что положение дел на Дону

я знаю только по газетным сведениям, что касается сформировании таких кадров, то об этом в первый раз я слышу от него. Тогда Аросьев, записав это, встал, сказал, что в таком случае ясно, что я арестован ошибочно и предложил подписать протокол допроса и взять оставшиеся, за выдачей жене, бумаги по описи. На мой вопрос, долго ли еще он меня будет держать в зато-

06

чении, он ответил, что самое большее, что через 2 дня я буду освобожден... В 6 часов я возвратился в свою камеру и уселся обедать. Пока я кончал обед и не успел еще выпить чай, как отворилась камера и объявили, что я свободен...

**«На пенсию надежда совсем исчезает»
29 марта (11 апреля)**

Больше двух недель ничего не писал, да и не читал. Жизнь идет бестолково и я как выбитый из колеи... За это время пробовал искать себе место, ибо последние сбережения тают, расходы большие; на пенсию надежда совсем исчезает, нет надежды воспользоваться процентными бумагами, находящимися в банке...

Шув[аев]⁵ прямо сказал, что рассчитывать на что-либо невозможно, промышленность еле дышит, промышленники потеряли власть, почву под собой, да и деньги, кроме того сильно

мешает мое генеральство и известность фамилии... Мрачно впереди и туманно в настоящее время... А цены на все неприступные. До сих пор ношу зимнее пальто Игнаши⁶... Штиблеты стоят 150 р.—буду ходить в больших сапогах, пока они еще крепки...

«Все питают надежду на 25 октября...»

[Окончание дневника, переписанное рукой супруги генерала, относится ко второму аресту Эверта осенью 1918 года]

17 (30) октября⁷

Нового ничего. Изменений в нашей камере никаких. Все питают надежду на 25 окт[ября]—7 нояб[ря], годовщину Октябр[ьской] революции. У меня, по правде сказать, на это никакой надежды... Мой скептицизм еще более стал сегодня, когда я прочел в газетах «Известия» от 29-го числа статью о деятельности Чрезв[ычайной] ком[иссии], в которой указывается о том, что Чрезв[ычайной] ком[иссии] Западн[ой] обл[асти] удалось раскрыть организацию Южной армии, в уставе которой указывается, что во главе корпуса ставится генерал, находящийся во власти большевиков, а потому фамилия обозначена шифром. Далее высказывается, что очень желательно знать, кто этот генерал⁸...

Хотя я уже почти 2 года отошел от политики, ...но ведь эту действительную истину знаю я и мои близкие, все же остальные могут подозревать, что под шифром кроюсь я... При этих условиях трудно рассчитывать на мое освобождение, а переводиться в Москву, в Таганскую и Бутырскую тюрьму не только не стоит, но прямо нежелательно, ибо там, конечно, буду голодать...

**«Часто приходит мысль,
скорее бы конец...»
18 (31) октября 1918 года**

...за что меня держат в тюрьме, только за то, что был главнокомандующим, и имя мое авторитетно, оно известно во всей России, и куда бы я ни поехал, везде подвергнусь аресту, и в этом отношении Муралов⁹ прав; наиболее безопасно—это Москва. Верно к этому и сведется—голодовке в Москве. Так тяжело на сердце, что часто приходит мысль, скорее бы конец...

Последняя запись дневника датирована 10 ноября. Генерал Эверт рассуждает о возможности своего освобождения по амнистии. 12 ноября (на следующий день после завершения Первой мировой войны) под предлогом перевода в Москву его вывели из можайской тюрьмы и убили.

- 1 Ганин А.В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государства! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53.
- 2 Первая запись дневника не датирована. Дата установлена предположительно по следующей записи.
- 3 Эверт (в девичестве — Познанская) Надежда Игнатьевна — супруга генерала.
- 4 Правильно — Аросев. Аросев Александр Яковлевич — помощник командующего войсками Московского военного округа. Отец актрисы Ольги Аросевой.
- 5 Шув[аев] Дмитрий Савельевич — бывший генерал от инфантерии и военный министр. Арестован, позднее освобожден. С 1918 — в РККА.
- 6 Эверт Игнатий Алексеевич — старший сын генерала.
- 7 В документе ошибочно — сентября.
- 8 Главным фигурантом этого дела стал генерал М.А. Дорман, расстрелянный в Смоленске. Подробнее см.: Ганин А.В. Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 84–100.
- 9 Муралов Николай Иванович — командующий войсками Московского военного округа.